

— №1 —

Помню, в телепередаче "Что? Где? Когда?" был примерно такой вопрос: в трактате психиатра позапрошлого века было описано, как лечить депрессию, меланхолию или какую-то подобную душевную болезнь. Заканчивался трактат ремаркой, что у некоторых людей такие душевные болезни лечить не надо — дескать, пусть болеют.

Вопрос был в том, кого предлагалось оставлять без медицинской помощи. А ответ — художников, и вообще людей творческих.

Врач утверждал, что такие душевные недуги, состояние несчастья и неудовлетворённости жизнью — являются питательной средой для творчества — дескать, пусть страдают, им полезно для создания шедевров человечества.

Я тогда усмехнулся "да уж, узнаю раннюю психиатрию". Хорошо, что ещё не предлагалось отрезать художникам уши, в попытке делать из них Ван-Гогов...

Но вот другой взгляд на отношения неординарных людей и общества: помните рассказ Уэльса "Страна слепых"?

Человек там попал в недоступную горную долину в Южной Америке, где люди, уже много поколений, рождались слепыми.

И весь рассказ о том, сколько непонимания и страдания доставляло зрение герою в этом обществе. Его тоже считали душевнобольным, и, в конце, местный врач нашёл причину его болезни: две опухоли под веками.

Герой, для того, чтобы ему разрешили жениться и вообще счастливо интегрироваться в эту гостеприимную общину, уже согласился на операцию... И только в ночь накануне — сбежал — обратно в неприступные горы и, может быть, на верную смерть.

И я представлял, как деревенский врач стоит на рассвете с поднятыми руками... в одной из них — тонкий нож-скальпель, на котором играет поднимающееся над горами солнце...

Стоит и качает головой: "всё-таки, болезнь его победила..."

И также, наверное, стоял и тот психиатр, когда ему докладывали о каком-то сбежавшем от операции художнике...

Стоял и задумчиво глядел вслед — сквозь тяжёлые больничные окна-купе, за которыми сверкали после дождя бескрайние черепичные крыши...

И сложно сказать кто из них всех прав: можно считать что меланхолия — это, как считали суфии, шестое чувство — чувство недостаточной близости мира к Богу.

А можно считать её и болезнью, которую можно просто вылечить, перерезав в мозге какую-то важную связь (как лечат, например, чрезмерное, мучающее пациента воображение).

И то, и другое будет верно.

И правы все — и слепой врач, и автор трактата, и оба сбежавшие от них пациента. И освещаются они одним и тем же солнцем, проникающим — и теплом в долину слепых, и солнечным зайчиком, оживляющим тусклые больничные окна. И сверкает миллионами таких зайчиков гладь мирового океана. И, в ответ, где-то в джунглях срывается капля росы от взлетевшей бабочки.

— №2 —

Жили-были дети. Они жили в сказке.

Мир вокруг них был удивительным, интересным и большим. Вместо стульев их окружали сказочные кони, вместо мух вокруг них летали инопланетные монстры. Вместо шкафа в углу комнаты зиял вход в сказочную пещеру, где шевелились на своих насестах косматые чудища. Или, может, шубища (трудно понять взрослых, все их слова булькающе-похожи).

Да и вообще, всё, с чем они играли, оживало, и в каждом предмете была своя душа.

Все эти души смеялись и плакали вместе с ними.

А смеялись и плакали дети искренне, всем своим существом, будто последний раз в жизни.

Когда пещерное шубище кидалось сверху на первопроходца-спелеолога, его отважная голова заполнялась ужасом так же плотно, как пещера, при этом, заполнялась его криком.

Когда они играли, они радовали и обижали друг друга сильнее, чем мы радуем и обижаем друг друга в жизни. Столкнувшиеся на деревянных конях рыцари мгновенно превращались из лучших друзей в злейших врагов, обида не вскипала, а взрывалась в них. И она бы разносила рыцарей в клочья, если бы тут же не вырывалась наружу — в виде бурлящего потока криков, слёз, обвинений и беспорядочных движений.

Ночи дети боялись сильнее, чем мы — смерти, но зато их день был длиннее, чем наша вечность. Каждый день был не только вечным, но и новым, каждый день потрясал их всё сильнее, и с каждым днём дети уставали от него всё больше. Изматывались от обид, наносимых друг другу, от летающих монстров, от впечатлений и потрясений.

В конце концов, дети засомневались, что все вокруг них, действительно, так же сильно и искренне смеются и плачут вместе с ними.

Они стали присматриваться к миру и встретили пауков, которые не смеялись и не плакали вообще. Пауки прятались от мира в своих норах и никогда не выходили наружу — поэтому дети и не замечали их раньше.

Пауки же, наоборот, уже давно следили за детьми.

И в тот день они тоже, не отрываясь, смотрели на детей через паутину, которая прикрывала вход в каждую нору.

Впрочем, детьми они не интересовались — просто наблюдали. Они вообще не интересовались ничем происходящим по ту сторону их паутины. Ведь сквозь неё всё выглядело мелким, незначительным и неинтересным: пауки были защищены и отгорожены от мира.

Важным было лишь их дело: пауки плели свою паутину.

— Вы не боитесь летающих монстров? — спросили их дети.

Пауки не ответили. Они смотрели на этих монстров с другой стороны паутины и видели просто мух.

Тогда и дети тоже увидели, что монстры не могут пролететь сквозь паутину, застревают в ней, путаются, смешно дёргая лапками. "Какие же это монстры", — подумали дети, — "это же обыкновенные мухи".

Детям тоже захотелось отгородиться от обид и неудач.

Удивительно, но все желания детей исполнялись (ведь страна детства граничит с волшебной страной, в которой исполняются все желания) — и в тот же миг вокруг них появился тонкий слой паутины.

Дети завернулись в неё.

Она была невесомая, но мир сквозь неё выглядел уже по-другому. Всё стало не так уж важно, не так уж страшно и не так уж интересно.

Предметы вокруг были уже менее живыми, и их душу разглядеть стало сложнее.

Начались новые, уже не такие вечные, дни и новые, уже более серьёзные, игры. Играя, дети в паутине обижались уже меньше, и, поэтому, старались обижать друг друга всё больше.

И, когда обида становилась всё же нестерпимой, дети шли к паукам и заворачивались в новую паутину. Обиды становились всё изощрённей, а паутину всё толще, пока не превратилась в толстую лохматую шкуру.

И вот, когда дни перестали быть вечными и неповторимыми, а стали наоборот короткими и похожими друг на друга, как тиканье часов, дети, в конце концов, превратились в вооружённых и защищённых от мира монстров.

Их игры стали войнами, они разили друг друга дома, на работе, на улице, в судах, на рынках и

финансовых торгах.

Эти монстры стали до того ужасны, что им стало страшно смотреть друг на друга. И страшнее всего было каждому взглянуть на себя в зеркало: ведь каждый надеялся, что он – всё тот же ребёнок, окружённый обижающими его монстрами.

Но из тёмного зазеркалья, к которому стало уже страшно приближаться, где-то из самой его глубины, на каждого из них смотрело страшное чудище.

Заметив его, они кричали, и вместе с ними рычали и лохматые зазеркальные монстры, пародируя их жуткими гримасами.

Они убегали, и вместе с ними скрывались их потусторонние двойники. Скрывались, чтобы вновь подстергать их за каждой зеркальной поверхностью.

И, когда их жизнь превратилась в кошмар, из соседней страны, в которой исполняются все желания, к ним пришли двое: один – в строгом костюме, другой – в разноцветном камзоле. Вместе с утренним солнцем, они спустились с поросших жухлой травой гор – тех самых Горизонтных гор, которые отделяют страну детства от страны, в которой исполняются все желания.

Эти двое были юрист и сказочник. Юрист знал все нужные ответы. Сказочник знал все нужные вопросы.

— Что нам делать? — спросили их монстры, — Мы боимся друг друга. Нам тяжело: мы раньше были всё время среди друзей, а теперь мы всё время среди врагов.

Тогда юрист сделал им маски, которые были не так страшны, как их лица. Он научил их надевать дружескую маску, когда они встречаются друзей; влюблённую маску, когда они встречаются любимых и деловую маску на работе. Тех, кто надевал не ту маску, судили, и, постепенно, практически все стали одеваться правильно. Монстры перестали бояться друг друга – ведь они смотрели не на свои лица, а на свои маски.

Но внутри они чувствовали, что их лица ужасней масок и продолжали бояться сами себя. Подходя к зеркалу и видя в отражении маску, монстры не верили ей. Они боялись, что маска вот-вот отклеится от их кожи, и они увидят под ней своё настоящее страшное лицо. Они не верили своей маске – как не верили ничему вокруг – так научил их юрист.

И тогда сказочник придумал для них сказки. Эти сказки были не о реальных монстрах а об их масках.

В сказках хорошие маски побеждали плохих, влюблённые никогда не изменяли друг другу, а дружеские маски никогда не ссорились.

И монстры поверили этим сказкам. Они узнали себя в этих добрых масках и вздохнули с облегчением: так вздыхает каждый, кто наконец-то находит себя.

— Мы научились жить в этом мире и поняли, кто мы такие, — сказали друг другу маски, — Мы знаем применение всем предметам в этом мире... Всем... кроме пауков.

Маски оглянулись вокруг и снова увидели их. Те, по-прежнему, сидели в своих норах и неотрывно следили за ними с той стороны своей паутины.

— А почему вы без масок? — спросили они у пауков, — Вы добро или зло? Друзья или враги?...

Но пауки не ответили: они смотрели на маски с той стороны своей паутины и видели в них не маски, и не монстров в масках, а просто детей, запутавшихся в своей паутине.

* * *

И жили монстры в масках долго и почти счастливо. И живут почти счастливо по сей день.

А "почти" – это потому что дети внутри некоторых из них всё ещё живы. Такие монстры чувствуют внутри себя что-то лучшее чем то, что они видят вокруг.

Таких монстров можно часто встретить в задумчивой маске: они пытаются вспомнить своё забытое прошлое.

Иногда им кажется, что всё не так — это ребёнок в них вспоминает свою жизнь и плачет.

Монстр не слышит этого плача, но чувствует, как содрогается что-то глубоко внутри.

"Эти мысли затронули какие-то струны моей души", — говорит тогда монстр и надевает умилённую маску.

— №3 —

Ничто не звучит так одиноко, как клич Тарзана, заблудившегося среди каменных джунглей.

И этот голос одиночества вспоминался в литературе много раз. Это один из тех архетипических сюжетов, которые, таинственным образом, всплывали и будут всплывать в воображении незнакомых друг с другом писателей и сценаристов.

Карл Густав Юнг, раскопавший, в глубинах людских душ, коллективное бессознательное человечества и вытащивший из его глубины древние архетипы, считал, что, не только за каждым мифом, но и за каждым повторяющимся литературным сюжетом может прятаться свой забытый, неизжитый коллективный сон...

Вот и мы раскопаем, вслед за Юнгом, один из таких сюжетов: нашу историю о дикаре, очутившимся в цивилизованном мире. Этот дикарь, как умелый актёр, являлся нам, переодевшись в сотни персонажей – от "крокодила Данди" до "Кинг-конга".

И, в конце концов, я узнал его – во всех этих историях о последнем человеке исчезающего племени, в фантастических новеллах о путешественнике из прошлого и в комедиях о первобытном человеке, размороженном по методу сумасшедшего учёного.

Я узнал, кто играет все эти роли, и понял, почему мы смеёмся и симпатизируем этим несуразным, но искренним Тарзанам и Маугли.

Понял, почему мы так сочувственно наблюдаем, как они пугаются современной техники и карнавальных масок, как всё время говорят не то, что принято, и вообще, выглядят смешно.

Сюжеты о дикаре, потерявшемся в нашем мире, упорно, как юнговский неизжитый коллективный кошмар, выскакивают из глубин нашего подсознания.

И, я думаю, именно потому, что все эти сюжеты – это отражения другой, истинной истории, которая существует где-то в глубине нашей души.

Эта истинная история – о каждом из нас, и главный её герой вовсе не дикарь, попавший в чуждый и непонятный ему мир.

Авторы всех этих сюжетов подсознательно хотят сказать: это не про дикаря! Это не он, это я попал в чужой и непонятный мир! Это всё обо мне: это я потерялся на балу среди надетых масок; это я захотел сказать то, что мне хотелось, вместо того, что принято; это я не прятал своих чувств и выглядел смешным... Но кто же себе признается в том, что он – всего лишь растерянный дикарь в шкуре светского льва?

Сознание, построенное на принятых в обществе правилах, просто не даст этого осознать. И тут, вроде бы случайно, вроде бы ниоткуда, к автору приходит идея: написать историю о дикаре в нашем цивилизованном обществе — это само "внутреннее я" автора прорвалось в его мысли. Оно, переодевшись в шкуру дикаря, наконец-то, получило слово. И вот, именно эти слова, его слова, уже ложатся на бумагу – автор называет это вдохновением.

Мы все — всё ещё дикари, потерянные среди построенных нами же небоскрёбов.

Мы расширили нашу вселенную до бесконечности и сами же потерялись в ней.

Мы наговорили целый океан лжи и сами же тонем в нём. И рядом тонет наш сосед, но мы не помогаем друг другу, так как вынуждены уже не верить никому.

Вместо этого, мы улыбаемся друг другу и, коротая время перед смертью, рассказываем смешные истории про дикаря, который так и не сумел отличить правду от условности или лжи.

— №4 —

У Евгения Гришковца, который "копает" очень поверхностно, но зато в очень правильном направлении, есть миниатюра "+1", которая начинается так: "Меня никто не знает... Вот того, который я внутри – никто не знает... Меня никто не знает таким, каким я сам хотел бы, чтобы меня знали."

Прочитав это, я вспомнил, как в юности смотрел фильм "Переступить черту" – в основном из-за того, что там мелькнула группа "Алиса" (сейчас это звучит странно, но в то время увидеть крупноплановые съёмки рок-концертов было вообще невозможно: по телевизору – попса, а ютуба ещё не было)...

Фильм был так себе, но мне запомнился один эпизод: Героиня Татьяны Васильевой, психолог-гипнотизёр, успокаивает клиента, изведённого своим начальником. По её совету ("неужели ничего хорошего Вы о нём не знаете?"), клиент вспомнил, что начальник нежно любит свою жену и понял что он – вовсе не такое уж исчадие ада. И — ушёл с хорошими мыслями о нём.

Удивительно, что все мои знакомые были согласны, что такой факт – если не оправдывает, то сильно обеляет того начальника.

Я качал головой: "Как же вы не понимаете?" — и приводил пример знаменитого колумбийского наркобарона, Пабло Эскобара, который, по воспоминаниям, тоже был хорошим семьянином: часто звонил жене, подолгу ворковал с ней, иногда прерываясь и, прикрыв трубку рукой, кричал в соседнюю пыточную комнату: потише там, заткните их!

Но и тут мои знакомые оставались верны своему углу зрения: пытки – плохо, но то что Эскабар был хороший семьянин, записывалось ему в плюс.

Я же, наоборот, больше чем "нежного мужа Эскабара" был готов понять жестокость аскетичного Ленина, в комнатах которого, после его смерти, не нашли ни одного зеркала: ему была чужда человеческая сторона жизни.

Крупская вспоминала: одевался и раздевался быстро, никогда не выбирал ни галстуков ни блюд, мог лишь поинтересоваться "мне это можно?" (катар кишечника после ссылки).

И, немного другое дело – жестокость Троцкого, у которого была большая и, в общем, счастливая (до внутрипартийной грызни за власть) семья.

Великое безразличное колесо сансары (то есть, "причин и следствий"), изображённое на древних храмах Анкора и флаге Индии, может вдуть новорождённую душу в скрученные – как в физическом, так и в психическом смысле – тело и судьбу.

И тогда его преступления – это проблема психологии человека, а не его нравственности:

один американский маньяк вспоминал: матери доставляло удовольствие заниматься сексом у меня на глазах, расширенных от детского ужаса: "Смотри, не отворачивайся!" — разгорячённая кричала она на него, мотающего, как в немом кошмарном сне, головой.

Не удивительно, что то самое колесо причин и следствий, вращая незримые фрейдистские шестерёнки мозга, вело будущего маньяка, как марионетку, всю оставшуюся жизнь.

Лишь в тюрьме, в одиночестве, прочёл он Новый завет и просил не отпускать его на волю – ведь там он не сможет не начать убивать снова.

Но тюрьма – не гостиница, да и врачи убеждали его, что это в нём говорит ложно понятое чувство греха. В ответ, он лишь немо, как в детстве, мотал головой...

Выпустили, начал снова.

Некоторые серийные убийцы сами подают прошение о смертной казни – было преступление, должно быть и наказание.

"Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей", — писал Достоевский. Но, возможно, точнее будет сказать, что это упавшая в несовершенный мир душа борется с теми самыми нитями, с помощью которых управляет человеком жестокое колесо сансары.

Современная юриспруденция различает только чёрное и белое: марионетка или осознанный преступник. Например, для маньяков: вменяем или нет (то есть, способен сопротивляться своим губительным подсознательным импульсам или нет).

Или, для военных преступников: имел возможность уклониться от исполнения преступного приказа или нет.

В реальности, между этими двумя чистыми состояниями, существуют смешанные оттенки всех цветов. И, чем более человек сам попал под колёса своей судьбы, тем меньший он, по своей сути, злодей. И, наоборот, чем более сознательно раскручивает он это колесо, тем меньше у него оправданий.

И есть те, кто сам вращает эту мясорубку судьбы – для того чтобы поэкспериментировать, приготовить блюдо

новой страны – как Троцкий. Или, чтобы "угостить котлетами" любимую семью – как Пабло Эскобар.

И семья, конечно, это ценит, насыщаясь питательным кровавым фаршем чужих судеб. Помню, как говорил герой Аль-Пачино в фильме "Крёстный отец": Никогда не спрашивай меня про мою работу. И жена поняла, отнеслась с уважением – теперь она может разнервничаться, только если прямо в лицо брызнет кровь очередной жертвы, крикнет истерично: Ты нас с детьми в свои дела не впутывай!

Когда я читал "Архипелаг Гулаг" – то больше всех ужасов пыточного следствия меня поразил один эпизод. Там, один из молодых следователей – собирался уйти с работы пораньше – у него было намечено свидание. Поправлял вихрастую причёску под стоны доносящиеся из кабинетов, предусмотрительно отделанных плиткой – чтобы удобнее отмывать кровь, рвотные массы, мочу и экскременты доведённых до головокружительных боли и ужаса подследственных. "Ничего, потом наверстаю!" – весело обещал он, кивая в сторону стонов (обещал доделать свою пыточную работу, довести подопечных до признания и смертного приговора).

Представляю, как на свидании, этот весельчак, подобно Аль-Пачино, тоже отшучивался от вопросов о своей службе. И девушка, может, что-то подозревала, но тоже относилась с уважением.

Но и их всех – жен и девушек многочисленных крёстных отцов, эскабаров и весёлых палачей – тоже можно понять: они выбирают стабильность семьи, а может также и гены для ребёнка, обеспечивающие психическую устойчивость и умение выйти победителем в жестокой реальности.

Им лучше жить и растить детей с заботливым Эскобаром чем с пытаемым им честным полицейским.

А виновны ли их мужья, зло которых выскакивает неожиданно – как чёрт из табакерки, когда на неё нажала история (революция, сталинский террор или разгул колумбийского наркобизнеса).

Ведь стоит только истории не нажать на их красные кнопки – и Эскобар останется просто нежным мужем, Троцкий – искромётным публицистом, вихрастый следователь – весельчаком и ударником, а Гитлер – художником, рисующим грустные городские акварели.

Оглянитесь вокруг – и вы увидите вокруг несостоявшихся преступников, на кнопки которых так и не нажала история.

Возможно что и все мы – примерные семьянины, художники, писатели-публицисты и рабочие-ударники – все мы несостоявшиеся преступники. И кто знает, какие тайные красные кнопки нам приготовило колесо сансары.

И ещё: эти красные кнопки, несомненно, не единственные которыми снабдила нас природа. Конечно, есть и "зелёные кнопки", которые, как бум физики в начале 20го века, делают Эйнштейнов из работников патентного бюро.

И, я уверен, что каждый работник патентного бюро чувствует себя потенциальным Эйнштейном. И хочет чтобы его знали именно таким — в его нереализованной гениальности. Помните фразу Гришковца?: "Меня никто не знает таким, каким я сам хотел бы, чтобы меня знали"...

Вот мы и копнули глубже в этом направлении — и внизу обрушился некий подземный свод, лопата ухнула в пустоту, и, в прорвавшейся дыре, открылся тёмный космос — параллельный закулисный мир, где располагаются пружины и шестерёнки,двигающие нас по сцене видимой реальности, где вращаются огромные, размером с галактики, древнеиндийские колёса причин и следствий и мигают созвездия наших красных и зелёных кнопок – каждая готовая взорваться новой реальностью.

И, вместо эпилога: когда схватили Кроули, американского преступника 30х, убивавшего людей направо и налево, при нём нашли письмо, адресованное "тем, кого это касается" – испачканное его кровью и написанное им во время последней перестрелки с полицией. Даже во время репающего штурма, он беспокоился о том, чтобы его знали не только со стороны его "красных кнопок".

В этом письме Кроули писал: "В моей груди бьется усталое, но доброе сердце, которое никому не причиняло зла".

И, как знать, если бы история нажала на другую кнопку, может быть именно эта реальность и оказалась бы правдой.

